

Опубликовано:

История в подробностях. – 2015. – № 3. – С. 60-68

© Лопатина Н.Л.

КУЛАКИ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Лопатина Наталия Леонидовна

В статье представлены свидетельства очевидцев коллективизации, собранные в 90-е гг. XX в. По мнению бывших колхозников, кулак – это сельский труженик, пользовавшийся уважением односельчан. Раскулачивание респонденты называли грабежом и разбоем, которое разорило деревню. Они убеждены, что современное сельское хозяйство до сих пор не может восстановиться, поскольку уничтожили передовой класс села – кулаков.

Ключевые слова: очевидцы коллективизации, кулак, раскулачивание, коллективизация, бедняк, труд, грабеж, разорение.

XV съезд партии 1927 г. положил начало коллективизации в СССР. Предполагалось добровольное объединение крестьян в коллективные хозяйства. Но после поездки Сталина в Сибирь с 1929 г. начинается форсированная коллективизация и был взят курс на «ликвидацию кулачества как класса». Кулаки объявлялись врагами советской власти и всего трудового населения. В советский период формировалось исключительно отрицательное отношение к кулакам. Историческая и художественная литература, кинематограф, драматургия, средства массовой информации воспитывали

негативное отношение советских граждан к кулакам. Кулаков представляли, как классового врага, вредителя, эксплуататора, поработителя, мироеда, лентяя и т.п. Только в конце 80-х появились редкие смелые для советского времени публикации о трудолюбии кулака и несправедливости политики раскулачивания.

Что же в действительности происходило в деревне в 30-е гг.? Кто такие кулаки? Кто как не очевидцы могут оценить происходящие события, дать характеристику кулакам. С середины 90-х Кемеровский общественно-научный фонд «Исторические исследования» под руководством профессора Лопатина Л.Н. занимался изучением коллективизации на основе нового для российской науки научного жанра «устная история». Были опрошены 149 очевидцев коллективизации в основном из Кемеровской, отчасти Новосибирской области и Алтайского края (по современному территориальному делению). Среди респондентов есть бывшие жители Украины, Белоруссии и др. В числе опрошенных: 15 чел. родились в 1904-1910 гг.; 54 чел. – в 1911-1920 гг.; 72 чел. – 1921-1930 гг., 8 чел. – после 1931 г.; 29 мужчин и 120 женщин. Социальный статус респондентов от нищих батраков до богатейших кулаков. Сбор рассказов осуществлялся в 1996-2004 гг. На основе свидетельств были изданы монографии [2, 3, 4, 5].

Рассказы наших собеседников были откровением. Они показали невероятную трагедию целого поколения, пережившего коллективизацию. Почти каждый рассказ – это крик души, это судьба человека, его семьи. Повествования были наполнены яркими эмоциями, переживаниями. Потрясение от коллективизации были настолько мощным, что память людей почтенного возраста сохранила удивительные детали того времени.

Факты, сообщаемые очевидцами грандиозного события, их суждения и размышления являются исключительно ценным историческим источником для изучения социалистических преобразований в деревне. Рассказы о коллективизации представили трагедию крестьянства, деградацию его нравственных устоев, утрату гражданственности, падение материального

уровня, формирование системы внеэкономического принуждения. Свидетельства очевидцев раскрывают разрушительное влияние социалистической революции на культуру и экономику российского села.

Рассказы бывших колхозников не подтвердили мифа о классовой ненависти деревенского населения к кулакам. Бывшие колхозники единодушны во мнении, что кулаки – это трудолюбивые крестьяне.

Рубцов Д. Е. (1910 г.р.) дал ёмкое определение: «Кулак – это политическая кличка людей, которые кормили себя, поставляли продукты в город, платили налоги, а, значит, кормили и других людей» [5, с. 55]. Бырбина А.Ф. (1917 г.р.) кратко выразила мнение большинства респондентов: «Кулаки – это трудовики, а бедняки, в основном, лентяи» [5, с. 147]. Респонденты единодушно отмечали взаимосвязь трудолюбия и материального достатка. «До коллективизации кто хотел жить нормально, тот работал и хорошо жил», – категорично заявила Савина М.С. (1921 г.р.) [5, с. 221]. Дубровская Е.М. (1916 г.р.): «До коллективизации деревня выглядела хорошо. Все были труженики» [5, с. 127]. Шишков И.А. (1918 г.р.) рассказывал о семье кулаков: «Они до колхозов хорошо жили. Да разве, только они так жили? Все так жили! Крестьянин всегда был сыт, обут и одет. А как иначе? Он же жил своим трудом» [5, с. 166]. Так же вспоминала кулацкие семьи своей деревни Гракович П.В. (1912 г.р.): «Ведь это были самые трудолюбивые люди. Те, которые работали день и ночь. Наемного труда они не применяли. Свои семьи были большие – от 9 до 14 человек. У них хозяйство было хорошо налажено, исправно жилище, в порядке скот, удобрена земля. За свое усердие они получали хороший урожай, молоко, мясо» [5, с. 84]. При общем утверждении, что кулаки – это труженики бабушка N (1924 г.р.) признала, что кулаками были разные люди. Но в основном это были честные труженики [5, с. 267].

Многие респонденты не считали своих раскулаченных соседей кулаками. Валова Е.В. (1917 г.р.) рассказывала: «Тогда нашли 7 кулаков и сослали в Нарым. Но наши деревенские их кулаками не считали. Почитали их как самыми честными тружениками. Они работали, не покладая рук» [5, с. 136]. Климова

Т.А. (1914 г.р.) вопрошала: «Их называли кулаками. А какие они кулаки? У них семьи были большими, они работали хорошо. Поэтому у них всегда было что поесть и что надеть. А лодыри в бедняках ходили. Кто лодырь, тот, значит, не кулак? Хороший?» [5, с. 100].

Очевидцы коллективизации рассказывали, что власть могла объявить крестьянина кулаком не только по экономическому критерию. Социально-политическое основание термина «кулак» пояснила Соломатова М.К. (1914 г.р.): «Тогда кулаки были. Так называли крестьян, у которых были в хозяйстве несколько лошадей, коров, чушек. Это не обязательно богатые крестьяне. Главное – они не хотели вступать в колхоз. В нашем хозяйстве также корова, лошадь, чушки водились. Но мы вступили в колхоз, поэтому не были причислены к кулакам» [5, с. 89]. «У нас говорили: «Работал много, спал на кулаке, поэтому кулак» (Шипицина АС. (1921 г.р.) [5, с. 211].

Все респонденты признавали, что кулаком можно было оказаться, высказав недовольство колхозами, действиями советской властью. «Какие методы коллективизации, спрашиваешь? Собрание – хлоп! Кулак – иди! Повыступаешь – завтра сам кулак, или подкулачник. Все боялись», – рассказывала Кожевникова Т.К. (1919 г.р.) [5, с. 190].

По описаниям респондентов, кулацкие семьи были большими и многодетными. Раскулаченные крестьяне не считали своё крепкое хозяйство кулацким, поскольку сами в нём трудились. Наличие сезонных работников в деревне считалось нормальным. «Мы с мужем жили со свекром, свекровью и шестью детьми. Два брата мужа были женаты, имели по четверо детей, две дочери были замужем. Одна из них с мужем и ребенком жила тоже с нами. Жили одной семьей. Держали 12 коров с приплодом, много овец, свиней, гусей и кур. Имели весь свой инвентарь. В 1931 г. купили две вейлки. Все много работали, но на лето брали двух работников. И поэтому, когда началась коллективизация, мы попали в список кулаков, подлежащих раскулачиванию», – вспоминала Ярокалова Е.Н. (1906 г.р.) [5, с. 30]. Типичный рассказ N (1925 г.р.): «... раскулачивали и ссылали не только кулаков, но и такие семьи, как

наша, то есть добротных и зажиточных крестьян. ... отец с матерью работали от зари до зари. Хозяйство было крепким. Часто приходилось просить о помощи соседей. За эту помощь им давали или зерна, или деньги. Что тут плохого? За это нас и сослали» [5, с. 295]. Дочь раскулаченного рассказала (Атучина А. Т. 1924 г.р.): «Хозяйство у нас было крепкое. Коров доходило до 30 штук только дойных, не считая молодняка. Лошадей – не меньше 15, кур – более 100. Держали очень крупную пасеку. Всё это обслуживали собственными силами: пахали, сеяли, заготавливали корма. Но на заготовку кормов и в уборочную нанимали работников. Рассчитывался с ними отец так: заводил работника в хлев и говорил, что тот может выбирать любую корову, хоть дойную, хоть брюхатую, хоть первотелка или совсем теленочка» [5, с. 260].

Не только рассказы бывших кулаков, но и бывших батраков, работников в кулацких хозяйствах не создают картины «нещадной эксплуатации, порабощения и угнетения народных масс». Рассказы показывают атмосферу нормальных человеческих отношений между работодателем и работником. Можно предположить, что оплата труда наёмной силы была адекватна затраченному труду. Возможно, понимание кулаками того, что материально незаинтересованный труд малопроизводителен. Возможно, это – следование представлению добрососедских отношений. А, возможно, понимание христианского греха «не укради». В Православии этот грех подразумевает не только акт кражи, но и некачественно выполненную работу, а также заниженную оплату труда или товара. Щербинин И. А. (1919 г.р.) из бывших работников вспоминал: «Раскулаченным не позавидуешь! Хоть мы и бедно жили, но зла им не желали. Мы за счет их и жили. Кулаки помогали бедным работой, хлебом. Поработаешь у них на поле, они тебя напоют, накормят и еще с собой дадут. Мы довольны были. Пойдешь к ним, с радостью встречают. А как иначе? Ведь работник пришёл. Жалко их было, когда раскулачивали. А крику-то сколько было! ... Мы к кулакам относились как к нашим помощникам в жизни. Кулаки – это самые добрые и трудолюбивые люди. За то, что они трудились, не покладая рук, их и раскулачили» [5, с. 171]. Колокольцова А.В.

(1919 г.р.) из семьи бедняков сказала: «Родители говорили, что это были хорошие люди, трудолюбивые. ...Они помогали бедным. Работу давали» [5, с. 179]. Бывший батрак Чечевский Н. О. (1917 г.р.) рассказал: «В семь лет я остался сиротой и жил у кулаков. Хозяев я называл «тётка», «дядька». У них все делал: полы мыл, с детьми водился. За это они меня кормили, одевали. ... Конечно, ко мне не такое отношение было, как к своим детям, но меня не били. А вот своих детей кулаки били, если те чего не так делали, ленились работать. И не наказывали меня шибко. Не было и такого, чтобы меня не кормили» [5, с. 129]. «В нашей деревне были бедняки. К ним относились с презрением и сожалением за то, что они мало трудились на земле. Зажиточные крестьяне всегда давали возможность заработать этой голытьбе» (Трофимова Е.Ф. (1919 г.р.) [5, с. 182]. Типичные отношения между деревенскими жителями и кулаками в рассказе Бычковой Е. Я. (1920 г.р.): «Хотя у них работники батрачили, но никто из деревенских на дядю Назара не обижался. Наоборот, его уважали. Он по совести со всеми рассчитывался. Когда их сослали, многие их жалели» [5, с. 195].

В литературе по истории коллективизации говорится, что политика коллективизации сопровождалась политикой раскулачивания. Для очевидцев коллективизации это была одна политика. Именно рассказывая о создании колхозов и раскулачивании, очевидцев коллективизации переполняют возмущение и негодование. Респонденты единодушны в своих определениях коллективизации и раскулачивания: «грабёж», «произвол», «каторга», «кавардак» и т.д. Люди вспоминали, плач, стон, истерики. А Гракович П.В. (1912 г.р.) заявила: «Началось светопреставление!» [5, с. 84]. «Что я вспоминаю при слове коллективизация, спрашиваешь? Да выгнали нас из дома, а через какое-то время отправили на Центральный рудник. Всё-всё отобрали: и корову, и коней, и кур. Такую справную семью разорили! Родители ночей не спали – зарабатывали добро. Всё пошло прахом», – со слезами говорила Герсинева М.П. (1919 г.р.) [5, с. 189]. Определения и высказывания респондентов похожи. Шипицин И.Н. (1921 г.р.): «Коллективизация и раскулачивание – это был

самый настоящий грабеж крестьян. Сколько мужиков загубили! Зря загубили!» [5, с. 211]. Горцевская П.М. (1923 г. р.): «Коллективизация – грабеж среди белого дня! Нас раскулачили. Отобрали все, что трудом своим заработали» [5, с. 251]. Рубцов Д.Е. (1910 г.р.): «Коллективизация в нашей семье связывается с каторгой, бесправием, подневольным трудом. Я уже тогда был, считай, взрослым человеком. И вспоминаю её как разорение комиссарами хозяйств, грабеж ими крестьянского имущества. Это горе и слезы крестьян. От родителей я часто слышал проклятия властям за коллективизацию!» [5, с. 55]. Киселева М.И. (1914 г.р.): «Коллективизация для нас – это грабежи, произвол. Забирали все имущество (скот, хлеб, орудия труда, иногда дома). Конфисковывали даже одежду и обувь. Кто сопротивлялся, того расстреливали или ссылали в Нарым. С собой могли взять только то, что можно унести на руках. Сведения из Нарыма поступали: они там жили в землянках, ели кору деревьев, умирали семьями. Из малолетних детей там не выжил никто» [5, с. 110]. Мальцева Ф.С. (1914 г.р.): «Из детских воспоминаний у меня осталось, что происходил форменный грабёж их хозяйства» [5, с. 96]. Савина М.С. (1921 г.р.): «Коллективизация ассоциируется у меня с разбоем. Детские воспоминания о ней грустные. Пришли, все поразбросали, растащили» [5, с. 221]. Кузьмина З.П. (1925 г.р.): «Детские впечатления – массовый грабеж» [5, с. 284]. Шишков И.А. (1918 г.р.): «Коллективизация – это такой кавардак, что ничего сравнить с ней нельзя! Я ребенком был. Вроде, ничего о ней не должен знать. Но я хорошо помню, как родители сопротивлялись коллективизации» [5, с. 166].

Очевидцы коллективизации говорили, что политика советской власти была направлена против зажиточных, трудолюбивых крестьян. Они недоумевали, почему советская власть боролась с зажиточными крестьянами и поддерживала бедняков-лентяев, почему и кому это выгодно? Люди в рассказах зывали к справедливости.

Носков Н.П. (1919 г.р.) высказал мнение большинства: «Богатый человек оказался у власти не в чести. Власть считала богатого человека очень плохим. Приучала и нас так на него смотреть. А кто такой богатый человек? Трудится

день и ночь» [5, с. 176]. «Коллективизацию я воспринимаю как вредительство против народа. Ничего мы поделать не могли против власти. Раскулачивали более зажиточных, самых работающих. Забирали тех, кто жил хорошо, имел хозяйство. Власть относилась к кулакам плохо. Их нигде не принимали. Даже их дети считались врагами народа, и им не разрешалось учиться в учебных заведениях», – говорила Дубровская Е.М. (1916 г.р.) [5, с. 127]. Общее возмущение политикой власти выразила Дубровская А. А. (1918 г.р.): «Из нашей деревни до войны угнали много мужиков. Сказали, что они были кулаками, а потом уже из колхозников взялись враги народа. Забирали самых работающих крестьян, которые трудились много и жили хорошо. А лодырей не тронули. У нас два брата Голева жили. Один – трутень, другой – работяга. Трутень в деревне остался, а работягу забрали и, говорят, убили. Как тут понять?! Трутень спит до обеда, на своих полях не работает, а работяга на поле с 5 утра вкалывает. Один – бедняк, другой – кулак. Один хороший, другой плохой. Как это понять?! Я не знаю. И ведь люди ничего на то не говорили. Боялись!» [5, с. 154].

Респонденты рассказывали, что раскулаченных выслали в любое время суток, года и отбирали всё имущество. Респонденты показали действительную картину раскулачивания. Они не были знакомы с партийными разнарядками о том, что полагалось раскулаченным в дорогу. Обычное описание имущества раскулаченных, которое им разрешалось брать в дорогу в рассказе Благовещенской М.Г. (1910 г.р.): «В чем были одеты, в том и, с голой душой, отправили этапом. Двое ее детей умерли по дороге от голода и мороза» [5, с. 62]. «Помню, крик, плач. Всех из дома выгоняли. Ничего взять с собою не давали, кроме того, что на себе было. Сажали на подводы и куда-то увозили», – вспоминала Иванова Е.Г. (1917 г.р.) [5, с. 143]. Н Дарья Михайловна (1912 г.р.) сказала: «А многих из богатых зимой сажали на сани, отвозили в лес и там оставляли. Ни ружей, ни инструментов им брать не разрешали» [5, с. 81]. «Отбиралось все: и хозяйство, и дом. С собой можно было взять пару белья и хлеба ребятишкам, а то и вовсе – ничего» (Шубин А.П. (1913 г. р.) [5, с. 85]. «С

собой им разрешили взять только то, что можно унести в руках. А много ли унесешь?» (Бычкова Е. Я. (1920 г.р.) [5, с. 195].

Политику раскулачивания Батьков А.А. (1925 г.р.) охарактеризовал так: «Было такое ощущение, что эти люди были захватчиками своей собственной нации, завоевателями» [5, с. 298]. Петрова Т.П. (1916 г.р.) восклицала: «Справедливо ли было забирать у кулаков скот и инвентарь? Ты, доченька, лучше и не спрашивай. Что ты! Мы трудились. Всего добивались сами. А эти идола захотели всё у нас забрать. Разве это по-человечески, по-христиански?» [5, с. 131].

Кто такие «захватчики» и «идолы» видимо, ответила Денисова Т.Г. (1917 г.р.): «Не люблю я коммунистов. А за что их любить? За то, что они у нас отобрали лошадей и коров. Все загребли! Когда забирала у нас просо, то даже веничком подмели просыпанное. Маленький мальчик говорит: «Оставьте мне хоть на блины». Куда там! Забрали и бутылку с керосином. Её отец купил, на всю зиму запаса. Забрали даже прялку с остатками кудели. Утащили и лён, намотанный на круг. Нам, говорят, он нужен на веревки. Всё забрали! Отца посадили! Брата посадили! Зятя посадили! За что? Ведь они работяги были! Сами дом построили, хозяйство вели. У нас и всего-то было 2 коровы и 3 лошади. За что садить? Нашли преступников! Через дорогу соседи жили. Они сошлись: у него сын был, у неё – дочь. Объединили свои хозяйства, и стало у них 5 коров, 6 коней. У них всё это забрали, а их тут же расстреляли. Вот что делали коммунисты!» [1, с. 252].

Все респонденты свидетельствовали, что раскулачиванием занимались бедняки. Респонденты единодушно связывали бедность с нежеланием работать, пристрастием к выпивке, праздному образу жизни. В деревне их называли лентяями, пьяницами, голытьбой, шаромыгами и т.п. Жесткие и резкие высказывания очевидцев коллективизации по поводу бедняков дают основание полагать, что сами крестьяне дифференцировали крестьянское сообщество не на бедных и богатых, а на ленивых и трудолюбивых. Со слов крестьян, очевидно, что противоречия и антагонизм в деревне были не на почве бедняк –

богач, а в сфере лентяй – труженик. К беднякам относились с презрением как к низшему слою деревенского общества. «Кто, спрашиваешь, приходил? ...Это низшие были» (Бычкова Е.Я. (1920 г.р.) [5, с. 196]. Распопова Е.П. (1922 г.р.) назвала бедняков «никтошками» [5, с. 230].

В редких случаях причиной бедности указывались стихийные бедствия, многодетность, пожар, переселение, потеря кормильца [5, с. 125, 248]. «Они оказывались бедняками часто потому, что в семье было по шесть-десять детей. Все мал-мала меньше. А работал только один кормилец. Отец!» [5, с. 137].

Кожевникова Т.К. (1919 г.р.) с плачем вспоминала: «Раскулачивали тех, кто хорошо работал, и мог себя содержать. А занимались этим всякая пьянь и поганое воровье» [5, с. 191]. «А бедняки-то? Да это, как сейчас: выпить, пожрать, детей накопить. Они не хотели работать. Это люди - так себе, шалай-валяй. Знаешь, как беднота радовалась, когда в наш дом бедного заселили!» (Горцевская П. М. (1923 г.р.) [5, с. 251]. «Те, кто их раскулачивал, были голодранцы из голодранцев. Это те, кто пьянствовал, да по вечерам в карты играл. Они для своей коровы и лошади сено не могли заготовить. Вот и докатились до полной нищеты. Таких было немного. Но на сходках они кричали больше всех. Вот из таких проходимцев создали комитет бедноты. И им было дано право решать судьбу тружеников», – сокрушенно говорил Гракович П.В. (1912 г.р.) [5, с. 84]. «Там были всякие шаромыги. Это были бедняки. Все знали, что они лодыри! Они-то и раскулачивали людей» (Распопова Е.П. (1922 г.р.) [5, с. 229]. «У нас в деревне твердо знали, что бедняки – это босяки. Они работать не хотели. Зато умели ходить и кланчить. На всю деревню один такой босяк был. Пропойца! Что с него взять? Дети его дразнили, а взрослые и ругнут, бывало. А ему всё одно. Он, как пёс шелудивый. Без роду, без племени. Не любили его люди» (Киш З.М. (1921 г.р.) [5, с. 216]. «Я хорошо помню, что деревенская беднота чаще не богатела именно потому, что предпочитала работе пьянку да болтовню. А работающие – кулаки да середняки – им были не по нутру» (Ляшенко П. С. (1918 г.р.) [5, с. 151].

Традиционно в крестьянском сообществе России основой материального благосостояния был труд. Поэтому, по мнению большинства респондентов, материальная нищета до коллективизации была от безделья. «Бедняками в деревне до колхозов могли быть только пьяницы, те, кто не хотел работать», – выразил общее мнение Шубин А.П. (1913 г.р.) [5, с. 86]. «А раньше-то бедны были только пьяницы, да бездельники. А все остальные имели все, что хотели. Только работай справно» (Марковская В.Г. (1915 г.р.) [5, с. 116]. Рассказ Жубина Я.М. (1925 г.р.) о том, как его раскулаченный отец ранее батрачил на помещика, а потом выкупил у него часть земли, подчеркивает значение труда в традиционной крестьянской среде: «Знаешь, внучка, на мой взгляд, бедняки – это просто лентяи. Ведь и отец когда-то мало что имел. Но много работал, трудился, чтобы вывести нас из нищеты. Вывел!» [5, с. 281].

На вопрос о сопротивлении раскулачиванию очевидцы отвечали по-разному от активного сопротивления до «не было никакого сопротивления». В рассказах видна динамика падения гражданской активности крестьян.

Багина А.И. (1925 г.р.) рассказывала: «Раскулачиванием занимались районная комиссия, НКВД, деревенское начальство. При раскулачивании люди сопротивлялись, впадали в отчаяние, боролись. Но что они могли сделать!? Односельчане сочувствовали, часто укрывали у себя. Но за это ты сам становился врагом и тебя ожидала смерть» [5, с. 295]. «При такой ситуации не обходилось без возмущений. Но это моментально подавлялось властями. ... Власти внушали людям, что коллективизация проходит замечательно. А жизнь людей вот-вот наладится» (Благовещенская М. Г. (1910 г.р.) [5, с. 63]. Трофимова Е.Ф. (1919 г.р.) вспоминала: «Со стороны крестьян были самые жесткие формы протеста: уничтожали имущество (лучше сжечь, чем достанется босякам), прятали его, резали скот, сжигали постройки, уничтожали зерно, уходили в лес, создавали отряды по борьбе с раскулачиванием, коллективно уходили на новые поселения. Тогда об этом в деревне много говорилось. Со своей стороны власти присылали карательные отряды,

расстреливали кулаков и подкулачников, громили кулацкие банды, присылали новых председателей и комиссаров» [5, с. 182].

Динамику протестов отразил Щербинин И.А. (1919 г.р.): «На сходках крестьяне ругались с властью, но скоро это прекратилось. Того, кто выступал против коллективизации, забирали и отправляли в неизвестном направлении. Таких у нас много было. Пришлось смириться. А куда денешься? Боялись и за себя, и за семью свою. ...Крестьяне действительно сначала пытались протестовать против раскулачивания. Ведь такая политика невыгодна ни для бедняков, ни для кулаков» [5, с. 172]. Ему вторил Батьков А.А. (1925 г.р.), который сказал, что в самом начале коллективизации женщины впадали в истерику, а некоторые мужчины хватались за ружья, припрятанные с Гражданской войны. Протесты были пока люди «не полностью осознали серьезность ситуации». Людей успокаивали оружием [5, с. 298-300].

Очевидцы коллективизации свидетельствовали, что зачастую люди из-за страха за себя и своих близких не высказывали открыто своего возмущения политикой власти. Крестьяне не могли противостоять карательным отрядам. Поэтому порой отношение к происходящему в деревне проявляли «по-тихому». Рейник Е.М. (1904 г.р.) вспоминала: «До колхозов у нас кулаки, конечно, были. Это была всего одна семья, которая жила в нескольких дворах. Но они не задавались, всегда с нами здоровались. ...А как колхоз образовали, богатство у них и отобрали. А самих мужиков тут же за деревней расстреляли. Потом их тела в одну яму сбросили и землёй засыпали. А нам сказали, что их богатство на темноте и крови нашей сколочено. Но мы-то знали, что они работали много, вот и разбогатели. А потом один их тех, кто расстреливал, как-то в лес пошёл и сгинул. Искать его никто не пошёл. А другому ночью брюхо вилами пропорили» [5, с. 20]. «Со стороны крестьян, конечно, был протест. Они были очень недовольны колхозами и грабежом. Но большинство молчали, потому что боялись. А боялись активистов. Их у нас называли «голодранцами». Мы боялись председателя и бригадира, боялись своих соседей, вдруг те донесут. Так и получалось», – рассказывала Савина М.С. (1921 г.р.) [5, с. 222].

«Родители были против коллективизации, хотя старались молчать – боялись за семью» (Благовещенская М.Г. (1910 г.р.) [5, с. 62]. «Мы, конечно, мечтали о роспуске колхозов. Но об этом помалкивали. Сразу сделают врагом народа. Были у нас враги народа. И очень много. Как правило, это были люди из лучших семей» (Киселева М.И. (1914 г.р.) [5, с. 110]. Горцевская П. М. (1923 г.р.) объяснила отсутствие протеста так: «Кого раскулачили, сразу же вывезли. Они не успели бунта поднять» [5, с. 252]. «У нас никто раскулачиванию не сопротивлялся. Это же страшно опасно было! Тогда строго было с сопротивлением властям» (Петрова Т. П. (1916 г.р.) [5, с. 131].

Респонденты рассказывали о тотальном чувстве страха. Видимо, страх так глубоко проник в сознание людей, что люди почтенного возраста при интервьюировании в 90-е гг. спрашивали: «а когда за мной придут?», «что мне за это будет», «я сейчас наболтаю, а умереть дома хочется»; жены одергивали мужей: «не болтай лишнего». Несколько человек просили не называть фамилию, места жительства. Несколько человек отказались давать интервью.

Шарапова М.Ф. (1925 г.р.) вспоминала: «Страх сковал людей. Люди стали меньше говорить. Стали бояться за каждое сказанное слово. Страх – очень сильное чувство! Страх – это ощущение того, что ты можешь навсегда потерять своих близких. Страх был нам привит новой властью и жестким контролем каждого жителя деревни друг за другом. Страх – это неясность завтрашнего дня, боязнь, что ты всё время делаешь что-то не то и тебя за это накажут» [5, с. 289]. «Колхоз для меня – это сравнение с полным бардаком. ...Все жили под страхом». (Правада А.К. (1914 г.р.) [5, с. 111]. «Боялись готовить есть: а вдруг сосед зайдет и увидит, что у них есть хлеб и донесет властям. Такой случай у нас был. ...Оглядываясь назад, думаю: вся наша жизнь была пропитана каким-то страхом. Жизнь прошла в страхе!» (Мальцева Ф.С. (1914 г.р.) [5, с. 98].

О сковывающем страхе российский публицист Струве П.Б. писал: «Сейчас в Советской России население подавлено и забито. Гражданское сознание и просто чувство личного достоинства приглушены у многих до какого-то состояния хронического, ставшего почти второю натурой, трепета.

...это состояние превосходно лапидарно передается такой формулой: «Все всего боятся» [7, с. 44].

Можно предположить, что процесс формирования гражданской апатии в крестьянской среде начался именно тогда: «У всех была земля, по несколько гектар. Во время коллективизации все хозяйство крестьян было разрушено, землю отобрали. Никто не протестовал. А что бы изменилось? Ничего» (Дубровская Е. М. (1916 г.р.) [5, с. 127]. «Крестьяне сначала бунтовали, а потом смирились», – подытожила Колокольцова А.В. (1919 г.р.) [5, с. 179]. «Однако сопротивление было только в самом начале коллективизации. Очень скоро все поняли, что лучше отдать всё, но сохранить свою жизнь и жизнь близких. Всё равно ведь всё отберут! Мы знали, что в соседних деревнях убивали целые семьи, а трупы увозили неизвестно куда», – отразила общее настроение Шарапова М.Ф. (1925 г.р.) [5, с. 289].

Российский крестьянин традиционно жил в общине. Даже во времена крепостного права община решала основные вопросы деревенского сообщества. Домохозяин обладал правом veto. Крестьянин привык, что к его слову и интересам прислушиваются. Поэтому сначала было и возмущение, и выступления на собраниях, и протесты. Но диктатура власти, насилие, расстрелы, боязнь за родных подавило любые формы недовольства.

Можно предположить, что коллективизация стала не только материальной базой для индустриализации, но и поставщиком мало оплачиваемой (бежали от коллективизации) или бесплатной (ГУЛАГ) рабочей силы. По общему убеждению респондентов, раскулачивали и ссылали самых трудолюбивых крестьян. «Мы знали, что забирали самых лучших мужиков, работающих! Забирали тех, кто хорошо работал и до войны, и после. Мы знали также, что давление шло на молодых», – высказала общее убеждение Изотова Д.М. (1909 г.р.) [5, с. 42].

Привыкшие работать «не на страх, а на совесть», они оказались очень полезными на «великих стройках социализма». Возможно, одна из причин таких грандиозных темпов индустриализации и является высокая культура

труда бывших кулаков. Характерно, что в ссылке или в ГУЛАГе крестьяне продолжали работать добросовестно. Так, в 1933 г. на шахте «3-3 бис» в Прокопьевске вольнонаемные проходчики выполняли норму на 114%, др. трудящиеся на 153%, то трудпоселенцы (бывшие кулаки) соответственно: 128% и - 160,8% [6, с. 165].

Почти все респонденты высказали мнение, что наступление на кулака, уничтожение крепких хозяйств в коллективизацию принесло разорение, изменило облик деревни и самих людей. Особо респонденты отмечали падение трудовой культуры и нравственности. Они признавали, что отсутствие собственности у крестьян породило хозяйственную апатию.

В словах Дмитриевой Н. Д. (1914 г.р.) звучит общее мнение респондентов: «До коллективизации деревня была другой. Вернее, другими были люди. Они друг другу помогали, как могли, доверяли. Делились с соседями последним. Жили общиной. Украсть у ближнего..., такое и в голову никому не приходило» [5, с. 104]. «После коллективизации обнищали все. У кого было – отобрали, а общее – это не свое, ухаживать незачем. Вот так и пропадало все, ломалось, рвалось, выходило из строя. А животные умирали от грязи, истощения, да и просто от тоски», – сказала Савинова М.С. (1921 г.р.) [5, с. 222]. «В том, что деревня не может выбраться из нищеты, виновата советская власть и социализм! Сельское хозяйство может развиваться только в свободных условиях работы и продажи выращенного (Правада А.К. (1914 г.р.) [5, с. 111]. «Без собственной коровы, коней, своего подворья благополучие нам не виделось» (Шубин А.П. (1913 г.р.) [5, с. 85]. Ларюшкина Е. Ф. (1919 г.р.) с болью говорила: «Это был один из самых страшных периодов в нашей истории! Люди потеряли не только веру, но они потеряли и себя» [5, с. 184].

Кулаки являлись носителями глубоких традиций деревни, высокой трудовой культуры. С уничтожением кулаков деградировали деревенские устои. Советская власть сформировала понимание того, что труд может быть опасен для человека (раскулачивание), а материальное благополучие, почет, уважение власти можно достигнуть грабежом, доносами и насилием.

Уничтоженные кулаки не смогли воспитать своих детей в традициях дедов, передать им свои знания и умения. Их дети получили образование в советских школах, где формировалось отрицательное отношение к кулакам, как к «эксплуататорскому классу». А бедняки-лентяи (именно в том понимании, о котором говорили респонденты) смогли привить потомству свою культуру лентяя. Ставка власти на бедняка сделала их поведение эталоном для подрастающего поколения. Изменились ценности и приоритеты в российской деревне. Уничтожение труженика-кулака с его добросовестным трудом и ставка на лентяя-бедняка, по мнению респондентов, несут отрицательные последствия в современной деревне. Респонденты считали, что власть отучила людей работать, сегодня трудолюбие не является гарантией материального благополучия.

Бывшая коммунарка Михайлова А. З. (1906 г.р.) в свои 93 года восклицала: «Испортились люди. Тяжелая нынче молодежь. Сдохнет, а не переработает. ... При советской власти и испортились! Это же надо так людей испортить, чтобы работать не хотеть, чтобы лежать и ждать богатство» [5, с. 29]. Тонко подметила преемственность поколений и воспитания Киш З.М. (1921 г.р.): «Вот сейчас в деревне воруют сосед у соседа: картошку выкапывают, грядки портят, в дома лазят. Кто, ты думаешь, они такие? Это такие же «бедняки», которые и тогда были. У них суть и тогда и сейчас одна – алкаши и лентяи. Босяки они и есть босяки!» [5, с. 217]. Очень образно и с горечью Шубин А.П. (1913 г.р.) сказал: «Во время коллективизации деревня уныла. Ни игр, ни гуляний, ни плясок. Не знаю, поймешь ли ты меня, но деревня была убита сердцем. Поэтому она до сих пор и не оправилась» [5, с. 84]. N Мария Ивановна (1921 г.р.) сокрушалась: «Все уничтожили. Корень крестьянской жизни и уничтожили! Откуда теперь взять силы, чтобы страна выправилась?!» [5, с. 212].

Марковская В.Г. (1915 г.р.) подвела итог политики советской власти в деревне: «Одно сказать, каких людей тогда сгубили! Весь передовой класс был тогда посажен и убит!» [5, с. 118].

Источники

1. Зленко А., Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Старец земли Кузнецкой. Кемерово, 2012.
2. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М., 2003.
3. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация как национальная катастрофа. Воспоминания её очевидцев и архивные документы». М., 2000.
4. Лопатина Н.Л. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). Кемерово, 2005.
5. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание. (Очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009.
6. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938. Отв. Ред. Данилов В.П. Новосибирск, 1994.
7. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935) Москва - Париж, 2004.

<https://istor-ksuet-lopain.ru/>